

КЪ ВОСПОМНАНІЯМЪ О МОСКОВСКОМЪ МИТРОПОЛИТѢ ФИЛА- РЕТѢ.

По чувству глубокаго уваженія къ почившему въ Позѣ московскому архипастырю митрополиту Филарету, въ обязанность себѣ вмѣняю описать нѣкоторые случаи изъ его практики, въ томъ убѣжденіи, что чтители его священной памяти, къ утѣшенію своему, найдутъ въ нихъ выраженіе его неутомимаго усердія къ своему дѣлу и

(г) Русск. пред. Макар. I. 19—21. (а) Русск. пред. Макар. I. 20—21. (б) Чг. О. И. Др. 1867 г. 4.

глубокаго соображенія въ ономъ, выраженіе его ревности къ охраненію православія, его горячей любви къ благолѣпію храмовъ Божіихъ, и иныхъ отличительныхъ свойствъ его высокой личности.

1) Въ маѣ 1859 года, внесъ я прошеніе къ Его высокопреосвященству о дозволеніи возобновить холодный храмъ и его иконостасъ въ существующемъ ихъ видѣ. Къ прошенію приложены были планъ и фасадъ церкви и рисунокъ иконостаса. Нужда въ семъ предпріятіи, сознаваемая многіе десятки лѣтъ, наконецъ оказалась настоятельною, а средствъ къ тому то рѣшительно не было, то они скоплялись медленно, либо оказывались далеко недостаточными. Но къ заботѣ о средствахъ присоединялось недоумѣніе касательно иконостаса. Возобновленіе его въ томъ же совершенно видѣ не обѣщало благолѣпія храму. Простотою своей конструкціи, скудостью и миниатюрностію орнаментовъ, различною величиною иконъ въ первомъ его ярусѣ и многимъ другимъ, онъ не выдерживалъ снисходительной критики, и далеко не удовлетворялъ требованіямъ изящества; а измѣнить его видъ какими-либо прибавками или убавками представлялось дѣломъ мудренымъ и смѣлымъ. Громадностію своею и своеобразнымъ устройствомъ онъ поражалъ взоръ любопытнаго, и ктому же въ виду имѣлись другія обстоятельства, которыя неотразимо говорили, во мнѣніи нашемъ, за его неприкосновенность. Долго и много о семъ предметѣ думали, разсуждали, совѣтовались, но недоумѣніе оставалось въ своей силѣ. Рѣшились наконецъ, съ затаеннымъ недовольствомъ, вмѣсто колера, покрыть иконостасъ сплошнымъ золотомъ, о чемъ и прописали въ прошеніи. Къ счастью нашему затаенное наше недовольство и вся обстановка дѣла не укрылись отъ прозорливаго взора владыки.

Осмотрѣвъ планъ и фасадъ церкви, онъ съ напряженнымъ вниманіемъ и долго разсматривалъ рисунокъ иконостаса и, наконецъ, сказалъ: какой мудреный у тебя иконостасъ!

— Иконостасъ особенный, необыкновенный, единственный, примолвилъ я.

Владыка быстрый бросилъ на меня взглядъ.

— Давно ли онъ стоитъ?

— Лѣтъ 70.

— Насколько середина его (царскія врата съ огромными колоннами) выдвинута отъ восточной стѣны?

— Аршина на 4.

— Для чего бы это?

— Иначе полусводы въ стѣнахъ не позволили бы дать иконостасу настоящую высоту.

— А стороны иконостаса какъ устроены?

— Стороны иконостаса образуютъ собою большія полукружія. Они простираются до южной и сѣверной дверей храма, оставляя за собою въ углахъ значительныя пространства, и закрывая по одному нижнему окну.

— Гдѣ же клиросы?

— Клиросы пристроены къ иконостасу, отступя аршина 1½ отъ южной и сѣверной дверей.

Послѣ многихъ подобныхъ вопросовъ, владыка, указывая циркулемъ въ рисунокѣ на иконы Спасителя и Богоматери, сказалъ: неужели еѣм иконы, какъ кажется, привѣшаны къ иконостасу и отчего такъ неумѣстно?

— Привѣшаны, по вашему приказанію.

— Какъ такъ, давно ли?

— Въ 1-й или 2-й годъ управленія вашего московской епархіею, вы соизволили въ вечернее время посѣтить храмъ св. Іоанна Воина.

— Не помню; что же дальше?

— По входѣ во храмъ, вы остановились предъ амвономъ и когда взоромъ вашимъ не нашли мѣстныхъ въ иконостасѣ иконъ Спасителя и Богоматери, спросили священника: гдѣ же главные иконы? Священникъ показалъ на образъ нерукотвореннаго Спаса 14-ти, и образъ Богоматери 12 вершковъ; оба поставлены были въ полукружіяхъ иконостаса между колоннами такъ, что не могли быть видимы съ середины церкви; а какъ въ то время случайно стояли въ алтарѣ, неимѣющія опредѣленнаго мѣста, иконы Спасителя и Богоматери большого формата, то вы и соизволили поручить священнику, чтобы иконы сія въ приличныхъ рамахъ были привѣшаны у царскихъ вратъ, для видимости богомольцамъ.

— Это что за рисунокъ?

— Рисунокъ сплошно вызолоченныхъ нишъ, которыми закрыты, для благообразія, стѣны въ углахъ за иконостасомъ.

— Достанетъ ли у васъ золота на такую громаду, — сколько у васъ денегъ?

— Наличныхъ три тысячи.

— Тутъ 30-ти мало; я бы совѣтовалъ вамъ устроить иконостасъ новый и по новому рисунку, сообразному съ фасадомъ храма. Тогда обновленіе храма обошлось бы

гораздо дешевле, а благолѣпія оказалось бы несравненно больше.

— О новомъ иконостасѣ мы и мыслить не смѣли. Настоящій иконостасъ—художественный и рѣзко отличается отъ обыкновенныхъ иконостасовъ. Любопытные нарочито посѣщали храмъ, чтобы видѣть иконостасъ. Онъ есть памятникъ священствовавшаго въ нашемъ храмѣ митрополита Михаила и знаменитаго въ свое время архитектора Баженова.

— Все это и сбило васъ съ толку. Вы смотрите на дѣло съ предубѣжденіемъ, фальшивымъ взоромъ, оцѣниваете иконостасъ поверхностно, не касаясь его существенности, достоинствомъ лицъ его устроившихъ. Взгляните на него повнимательнѣе, и сами останетесь недовольны его постановкою. Какой онъ памятникъ, когда одобрить его нельзя? Громадностію своею онъ исказилъ храмъ. Онъ какъ будто былъ строенъ для иного храма, болѣе обширнаго и въ вашъ точно насильно втиснуть; закрываетъ фасадъ храма, закрываетъ окна и отнимаетъ у храма больше трети пространства. Иконостасъ,—а главныя, мѣстныя иконы не у мѣста, на подвязкахъ. Иконостасъ *громадный*, а главныя иконы вершковыя, да и тѣ надо отыскивать днемъ съ огнемъ. Ты называешь его особеннымъ, единственнымъ, необыкновеннымъ; но потому-то онъ и не годится, что онъ необыкновенный, единственный. Въ немъ нѣтъ церковнаго, православнаго характера. Это не иконостасъ, а точь-въ-точь триумфальныя ворота. Поставь его не въ храмъ, а на площади, можетъ быть въ немъ и оказалось бы что-либо художественное. Возобновленіе его я не могу разрѣшить. Возьми бумаги назадъ и убѣди прихожанъ устроить иконостасъ новый, по новому рисунку, и если окажется нужнымъ, пригласи въ помощь благочиннаго. Въ прошеніи же о новомъ иконостасѣ, кратко опишите ветхость и тѣ недостатки настоящаго иконостаса, которые я высказалъ.

Принимая благословеніе архипастыря, я просилъ извинить меня, что такъ много и долго, больше часа, я утрудилъ его своимъ дѣломъ. Но владыка сказалъ: напротивъ, я радъ, что дѣло уяснилось; иначе бы и я былъ виноватъ въ вашей ошибкѣ.

Убѣждать же прихожанъ не было надобности. Отзывъ владыки о иконостасѣ оказался сильнѣе всякаго убѣжденія, такъ сказать, открылъ намъ глаза, развязалъ руки

и возбудилъ живую ревность къ полному во всѣхъ частяхъ обновленію храма.

2) Московскому духовенству и церковнымъ старостамъ извѣстно, сколь строгое вниманіе покойный архипастырь обращалъ на новыя иконы въ новыхъ или обновляемыхъ иконостасахъ. Благолѣпіе храма, во мнѣніи его, утрачивало свою цѣну, когда онъ подмѣчалъ въ иконахъ что-либо несвойственное православію, или какую-либо нечѣпость, неблаговидность. Въ подобныхъ случаяхъ онъ строжайшіе давалъ выговоры мѣстнымъ священникамъ и благочиннымъ. Были примѣры, что въ нѣкоторыхъ храмахъ, по освященіи ихъ владыкою, нѣкоторыя изъ новыхъ иконъ вновь переписывались, по его настоянію. Во избѣжаніе всего этого, заботливые попечители храмовъ предварительно представляли новыя иконы на благоусмотрѣніе владыки, и только по одобреніи его, вносили ихъ въ храмы, а иначе исправляли ихъ по его указанію. Зная сіе, я рѣшился, когда Высочайшее дозволеніе обновить храмъ и устроить новый иконостасъ пришло изъ Петербурга, я рѣшился, не смотря на всѣ отговорки художниковъ, заготовить рисунки для новыхъ иконъ и священныхъ на стѣнахъ изображеній. Коллекція ихъ заключала въ себѣ больше 30 нумеровъ. Когда явился я представить ихъ на благоусмотрѣніе владыки, на подворьи мнѣ объяснили, что владыка чувствуетъ себя очень нездоровымъ, къ богослуженію не выходитъ, съ постели не вставалъ, послалъ за врачомъ и принимать никого и никакихъ дѣлъ не можетъ; но въ это время взошелъ въ пріемныя комнаты секретарь (Н. В. Даниловъ), спросилъ меня — съ какимъ я дѣломъ, полюбопытствовалъ взглянуть на мои бумаги и, подумавъ нѣсколько, сказалъ одному изъ служителей, что обо мнѣ можно доложить. „Не смѣю, отвѣчалъ тотъ, не приказано“. Секретарь молча пошелъ въ другія комнаты и, минуты чрезъ три-четыре, когда я собирался домой, объявилъ мнѣ: пожалуйста, владыка васъ просить. „Что вы, говорю ему, сдѣлали? Изъ-за чего я буду тревожить больнаго владыку? Мое дѣло не важное и не къ спѣху“. „Пожалуйте, пожалуйста, послѣ поговоримъ“, примолвилъ онъ.

Съ тревожнымъ духомъ пробирался я въ спальню владыки. Меня тяготила мысль, что я безпокою его своимъ дѣломъ. Но оказалось иное. Онъ медленно привсталъ и присѣлъ на постелѣ, чтобы благословить меня, когда я ему поклонился. „Что у тебя, покажи,“ сказалъ онъ едва слышнымъ голосомъ, и кипу моихъ бумагъ принималъ съ явною охотою.

Это было въ послѣднихъ числахъ октября. Утро было мрачно и въ покояхъ не вполне свѣтло. Владыка всталъ къ столику и началъ разсматривать каждый эскизъ подробно, обращая лицевую его сторону къ окнамъ. Немногіе изъ нихъ оказались удовлетворительными. Недостатки и ошибки въ прочихъ онъ отмѣчалъ чертою карандашомъ, и столь много говорилъ по этому поводу, что все пересказать несовмѣстно было бы съ краткимъ очеркомъ. Коснусь немногаго. Форматъ иконъ (въ видѣ рококо) въ царскихъ вратахъ не одобрилъ, но измѣнить не приказалъ. На мѣстной иконѣ Богоматери срачицу на предвѣчномъ Младенцѣ зачеркнулъ, примолвивъ: „одежда неблаговидна; она не столько прикрываетъ, сколько обнажаетъ тѣло Богомладенца; вели живописцу исправить ее.“ Разсматривая рисунокъ изображающій Господа, сѣдящаго на престолѣ, съ предстоящими—Богоматерію и Предтечу, онъ сказалъ: „Образъ сей, по объему формата, больше всѣхъ, и занимаетъ мѣсто въ иконостасѣ самое видное,—и онъ-то никуда не годится. Зачѣмъ въ руку Предтечи вы всунули знамя? Оно совершенно неумѣстно, когда онъ предъ лицомъ Господа и въ молитвенномъ настроеніи духа“. Знамя зачеркнулъ. „А это что такое?“ спросилъ онъ, указывая на положеніе рукъ Богоматери. Руки Ея изображены были поднятыми отъ локтей къ персямъ и сложенными въ ладоняхъ. Поставя на нихъ двѣ крупныя черты, онъ спросилъ: что такимъ положеніемъ рукъ выражается? „Благоговѣйная молитва,“ сказалъ я. „Нѣтъ, этимъ выражается такъ называемое *умиленіе* —манера западная, свойство іезуитовъ. Этого нельзя терпѣть и допустить въ православіи. Накажи живописцу и наблюдай, чтобъ онъ далъ совершенно иное положеніе рукамъ Богоматери. А этотъ рисунокъ кого изображаетъ?“—„Одного изъ четырехъ апостоловъ.“—„Гдѣ они будутъ написаны?“ Въ простѣнкахъ между окнами, во 2-мъ ярусѣ съ южной и сѣверной сторонъ.“—„Въ нижнемъ ярусѣ будутъ ли какія на стѣнахъ изображенія?“—„Нѣтъ.“ „И не слѣдуетъ.“—„А чѣмъ отдѣляется и отличается первый ярусъ отъ втораго?“—„Отдѣляется лѣпнымъ карнизомъ и лѣпными украшеніями, а отличается тѣмъ, что со 2-го яруса стѣны будутъ раздѣланы подъ мраморъ разными колерами, а 1-й будетъ покрытъ бронзовымъ порошкомъ“. Подумавъ нѣсколько, владыка примолвилъ: „а мнѣ случилось видѣть, какъ иные уборщики церковныхъ стѣнъ отдѣляютъ ярусъ отъ яруса,—протянуть по стѣнамъ роскошную гирлянду изъ разныхъ

травъ и цвѣтовъ, и на ней насажаютъ по мѣстамъ головки Ангеловъ. Вѣдь, какъ будто и благовидно; а можетъ ли быть что нелѣпѣе сего, уже потому одному, что Ангелъ не скворецъ, мѣсто ли ему въ лугахъ и цвѣтникахъ? Изъ чего же видно, продолжалъ онъ, что этотъ рисунокъ изображаетъ апостола? — „Надпись, говорю, укажетъ и самое имя его.“ „Надпись твою не всякій можетъ и будетъ разбирать. Сумѣй изобразить апостола такъ, чтобы въ самомъ изображеніи выказывались отличительныя черты, свойственныя апостоламъ. Одному напримѣръ дай жезлъ въ руку, другому книгу, а иного изобрази проповѣдующимъ съ какимъ-либо жестомъ“. Разсматривая рисунокъ двухъ изъ семи Архангеловъ, владыка спросилъ: „гдѣ думаете ихъ изобразить?“ Я указалъ на рисунокъ внутреннихъ стѣнъ приготовленныхъ мѣста. Взглянувъ, владыка сказалъ: „лучше и нечего придумать.“ — „Одно не позволяетъ,“ сказалъ я. „Что-жь такое?“ „Архангеловъ только семь, а по нашему предположенію ихъ потребно восемь, по два въ каждомъ изъ четырехъ мѣстъ; иначе въ картинахъ окажется несоотвѣтственность“. — „Это не помѣха, Ты видишь, что каждый Архангелъ изображается съ свойственнымъ ему атрибутомъ; вотъ на вашемъ наприм. рисунокѣ Михаилъ написанъ съ мечемъ въ рукѣ; Гавріилъ съ райскою вѣтвію; другіе изъ нихъ изображаются кто съ бичемъ, кто съ цвѣтами и т. п. Атрибутомъ Рафаила вы напишите младшаго Товію, ведомаго имъ за руку, который и восполнитъ собою недостающую личность Архангела, и гармонія въ картинахъ соблюдется.“ Дошла очередь до картины (на западной стѣнѣ) *Синайское законодательство*. На рисунокѣ представлена была гора, на вершинѣ которой тускло, въ сумракѣ изображенъ былъ колѣнопреклоненный Моисей, съ распростертыми вверхъ руками для пріятія скрижалей закона, какъ бы плавающихъ надъ нимъ въ воздухѣ. Разсмотрѣвъ рисунокъ, владыка сказалъ: „никто не былъ очевиднымъ свидѣтелемъ того, какъ Господь вручилъ скрижали Моисею, и самъ Моисей ничего о семъ не предалъ въ Писаніи. Стало-быть вся эта картина есть одна догадка, произвольный вымысль,“ — и на рисунокѣ поставилъ карандашемъ большой крестъ. „Кромѣ того, онъ продолжалъ, — законодательство синайское и появленіе Богоданныхъ скрижалей суть два событія разныя, между которыми стоитъ немалый промежутокъ времени. Подай Библію.“ Пока я искалъ ее взорами между многими книгами на столахъ, онъ пошелъ твердыми шагами въ про-

тивоположный уголь комнаты и принесъ Библію огромнаго формата. Раскрывъ потребное мѣсто, сталъ читать и прочелъ двѣ (Исх. XIX и XX) главы про себя,—только слова: *идѣже бже Богъ*, произнесъ вслухъ. По прочтеніи, немного подумавъ, онъ высказалъ мнѣ для предположенной картины слѣдующій проектъ: „Синайскую гору изобрази высокою, дымною и мрачною; при подошвѣ ея поставь многочисленный сонмъ Израилтянъ, Моисея съ жезломъ, а Арона и старѣйшинъ впереди въ бѣлыхъ плащахъ, за ними народъ отъ мала до велика въ нарядныхъ одеждахъ, но всѣхъ вообще въ страхѣ и ужасѣ. На вершинѣ горы выкажи свѣтлый отблескъ присутствія и величія Божія; изъ сего отблеска проводи крупный и яркій лучъ внизъ по горѣ, и въ немъ напиши золотыми словами: *Азъ есмь Господь Богъ твой.*“

Въ мирномъ расположеніи духа отпуская меня, владыка примолвилъ: „зорко наблюдай за живописцами; при всемъ усердіи и способности къ дѣлу они безсознательно дѣлаютъ большіе промахи, потому что не знаютъ потребныхъ къ тому наукъ“.

„Что такое съ вами“? спросилъ меня въ недоумѣніи секретарь, долго дожидавшійся въ смѣжныхъ съ кабинетомъ комнатахъ. „Ничего!“—„Какъ ничего—часъ и 20 минутъ вы держали больнаго митрополита и, безъ сомнѣнія, утомили его.“ Напротивъ, онъ меня держалъ и самъ, слава Богу, кажется, освѣжился и ободрился.—„Вотъ теперь и поймите, сказалъ онъ, почему я, по вашему выраженію, втолкнулъ васъ къ нему больному. Ему надо было дать дѣло, чтобы отвлечь его мысль о болѣзни; а ваше дѣло какъ нельзя лучше тутъ и годилось. Занявшись имъ, онъ забылъ свою болѣзнь и тѣмъ ослабилъ ея силу. Занятіе для него вужнѣе и благотворнѣе медикаментовъ.“ Не успѣли мы окончить пріятнаго разговора, какъ владыка позволилъ и потребовалъ секретаря съ бумагами.

3) „Я охотно желалъ бы видѣть и освятить вашъ храмъ, сказалъ намъ владыка, когда мы въ первыхъ числахъ сентября 1862 года просили его о семъ,—но не вижу, продолжалъ онъ, потребнаго къ тому дня; дѣла у меня много, а времени и силъ мало; побывайте у меня въ концѣ сего мѣсяца, когда я возвращусь изъ Лавры, и тогда, можетъ быть, окажется и возможность.“

Въ 5 часовъ вечера 27 сентября мы стояли уже въ приемной залѣ, когда подворскіе встрѣчали владыку на крыльцѣ, возвратившагося изъ Лавры. Благословивъ насъ и не

читая бумаги нами поданной, онъ сказалъ: „Я готовъ, если что не помѣшаетъ, освятить вашъ храмъ въ воскресенье (30 сентября); думаю, что и вы готовы.“ Предполагая заранее такое назначеніе, мы заранее согласились въ такомъ случаѣ просить и просили его, чтобы онъ соблаговолилъ совершить освященіе храма не въ воскресенье, а въ понедѣльникъ (1-го октября); но владыка рѣшительно отказалъ намъ въ этомъ, представивъ въ резонъ то, что въ понедѣльникъ предстоитъ общественное для всего города богослуженіе, которое онъ не можетъ оставить ради частнаго случая.

Въ субботу, 29 сентября, о. благочинный и я явились ко владыкѣ, по его приказанію, въ 7-мъ часовъ утра. Принявъ отъ насъ и прочитавъ потребныя бумаги, и выслушавъ нѣкоторыя объясненія, по дѣлу освященія храма, отпустилъ насъ съ благожеланіемъ. Отдавая же мнѣ проповѣдь, сказалъ: „проповѣдь твоя въ порядкѣ, но я едва ли буду въ силахъ ее слушать; скажи ее 1-го октября.“

Въ послѣднія двое сутокъ, среди приготовленій къ освященію храма, намъ пріятно было видѣть подобную нашей заботливости и въ художникахъ, которымъ поручены были тѣ или другіе предметы по обновленію храма. Всякой изъ нихъ старался представить свой предметъ правильнѣе, чище и благовиднѣе. Заботливость ихъ возбуждало особенно то, что владыка, по ихъ признанію, столь былъ опытенъ въ архитектурѣ, и такимъ обладалъ вкусомъ въ оцѣнкѣ всего художественнаго и изящнаго, что и они, съ понятною тревогою, ожидали себѣ его приговора. Въ попечителяхъ же храмовъ его одобрительный и похвальный отзывъ о боголѣпії того, или другаго храма, всегда вѣрный, непререкаемый, правдивый, возбуждалъ соревнованіе и служилъ для нихъ высокою наградою. Они готовы были израсходовать и расходовали для вѣщаго благолѣпія храмовъ лишніе десятки тысячъ, только бы удостоиться выслушать изъ устъ владыки благопріятное слово и похвальный отзывъ о благоуукрашеніи ихъ храма. Посему и употребляли всѣ усилія, чтобы освященіе храма совершалъ не кто иной, а непременно самъ владыка. Въ случаяхъ его отказа, по какимъ-либо препятствіямъ, они отлагали освященіе храма на долгій неопредѣленный срокъ, отъ лѣта до лѣта. Былъ случай, что владыка не одобрилъ вновь произведенную стѣнную живопись въ храмъ — и староста церковный на другой же день, по освященіи храма, заставилъ стусевать всѣ на стѣнахъ изображенія,

озаботился снова расписать всю церковь и добился того, что владыка соизволилъ самъ вновь освятить храмъ, не такъ давно имъ же освященный.

Послѣ сего понятно, почему и мы, подобно въ семь случаѣ другимъ, съ ревностію готовясь въ освященію храма, въ тоже время тревожились горькою мыслію, какъ бы нездоровье, или перемѣна погоды, или какой либо нечаянный случай, не помѣшали владыкѣ исполнить данное намъ соизволеніе, и готовы были въ такомъ случаѣ отложить освященіе храма до будущаго лѣта.

Несмотря на вѣтряную, довольно свѣжую, впрочемъ ясную погоду, и на убѣжденія преданнаго владыкѣ чловѣка — не подвергать опасности свое здоровье, владыка устоялъ въ своей рѣшимости освятить храмъ св. Іоанна Воинна. Изъ новоосвященнаго храма онъ вынесъ глубокое утѣшеніе. „Я словъ не нахожу, съ умиленіемъ говорилъ онъ въ домѣ священника, и въ домѣ старосты, окружающимъ лицамъ,—я словъ не нахожу хвалить обновленный храмъ“.

Радуюсь столь похвальному отзыву владыки о нашемъ храмѣ, 2-го октября мы отправились благодарить его, съ полнымъ убѣжденіемъ въ милостивомъ его приѣмѣ. Я взмогъ ко владыкѣ одинъ, безъ старосты, и, принявъ благословеніе, только было началъ высказывать ему свою благодарность, какъ онъ перебилъ мою рѣчь, и строгимъ тономъ сказалъ: „у тебя была неисправность“. Неисправность эта оказалась въ томъ, что одну икону, вмѣсто назначеннаго діакона, въ крестномъ ходу несъ псаломщикъ въ стихарѣ. О семъ я и не зналъ бы, еслибъ не замѣтилъ мнѣ этого протодіаконъ, примолвивъ, что владыка вѣрно не опустилъ этого безъ вниманія, и не оставитъ безъ замѣчанія. Вспомнивъ все это, я тотчасъ извинился и началъ было объяснять причину сей неисправности, но владыка опять перебилъ мою рѣчь и, умягченнымъ уже тономъ, спросилъ: „а какой архитекторъ содѣйствовалъ тебѣ въ обновленіи храма?“ „Архитекторъ (Зыковъ) составилъ только рисунокъ иконостаса, отвѣчалъ я, а его устройство, постановка, и все прочее дѣлалось по указаніямъ и подъ наблюденіемъ главнаго прикащика церковнаго старосты Сиротинина“.—„Кто онъ такой?“—„Мѣщанинъ Иванъ П. Мѣшковъ, чловѣкъ безъ научнаго образованія, но начитанный, наблюдательный и опытный. съ художественнымъ талантомъ. Много мы обязаны ему, за его усердіе, заботы и труды. Удостоите его, владыка,

примолвилъ я, хотя заочно вашего архипастырскаго благословенія“.—„Нѣтъ, отвѣчалъ владыка, я хочу его видѣть; ты представь его ко мнѣ, только не завтра, а послѣ завтра въ четвертокъ“.

Мѣшковъ, обрадованный вниманіемъ владыки, явился со мною къ нему съ полнымъ воодушевленіемъ. „Ты распорядился обновленіемъ храма?“—„Я, по порученію старосты и съ согласія священника“.—„Что ты такъ высоко вздернулъ икону-то св. Іоанна Воина? Икона чудотворная, всякой желаетъ приложиться къ ней—и надо лезть для того по твоимъ неудобнымъ ступенькамъ“.—„Ниже поставить икону было бы несообразно съ закономъ симметріи, отвѣчалъ Мѣшковъ, и эта несообразность бросалась бы всякому въ глаза.“—„Ну-у! по нуждѣ и закону прѣмѣненіе бываетъ, сказалъ владыка съ улыбкою на устахъ. Гдѣ ты научился этому дѣлу?“

—Я изучалъ архитектурные учебники и книги, и обладаю большимъ запасомъ моделей, художественныхъ всякаго рода рисунковъ и образцовъ. Около 20 лѣтъ, помимо обыкновенныхъ домовыхъ построекъ, я преимущественно занимаюсь обновленіемъ храмовъ и приготовленіемъ всѣхъ священныхъ его потребностей. Больше 15 мастеровскихъ работаютъ по моимъ рисункамъ и подъ моимъ наблюденіемъ—пишутся, по заказамъ и для продажи иконы, хоругви, плащаницы, устрояются на нихъ ризы, разнаго рода украшенія, сосуды, кресты, Евангелія, кадила, священническія облаченія и вообще всякая церковная утварь“. Внимательно выслушавъ весь рассказъ, владыка сказалъ: „Я очень, очень радъ, что имѣю въ Москвѣ столь потребнаго человѣка“.—„Не оставьте меня, владыка, вашею рекомендаціею, я надѣюсь вполне оправдать ее“— „Не опущу случаевъ къ тому, сказалъ владыка, и даже теперь имѣю ихъ въ виду“.—Много, послѣ того, высокихъ особъ, архимандритовъ, игуменовъ, купцовъ и иныхъ попечителей храмовъ, безъ сомнѣнія, по указанію владыки, подробно осматривали храмъ св. Іоанна Воина, совѣтовались съ Мѣшковымъ, и дѣлали ему такія, или иные порученія.

Въ концѣ того же октября, мнѣ довелось быть у владыки по нѣкоторому дѣлу. Написавъ резолюцію на моей просьбѣ, владыка сказалъ мнѣ: „Я позабыталъ, получилъ ли твой староста отъ меня икону?“— „Нѣтъ, онъ не имѣлъ этого утѣшенія!“—„Погоди же, сказалъ владыка и пошелъ во внутреннія комнаты. Минуть чрезъ пять онъ

вынесъ образъ нерукотвореннаго Спаса, очень хорошо написанный, въ серебряномъ, выглащенномъ окладѣ. Отдавая его мнѣ, онъ сказалъ: „вручи сію икону старостѣ Василю Алексѣвичу Сиротинину, въ благословеніе отъ меня ему и его семейству, за его стараніе о храмѣ Божіемъ“. Икона сія была принята съ благоговѣніемъ, съ радостными и благодарными чувствованіями, и чтится главною въ домѣ святынею.

Протоіерей Іоаннъ Борзцовскій.